

ДЮНА

Брайан Герберт
Кевин Андерсон

ДЮНА

БИТВА
ПРИ КОРРИНЕ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

Г37

Серия «Дюна»

Brian Herbert

Kevin J. Anderson

DUNE: THE BATTLE OF CORRIN

Перевод с английского *А. Анваера*

Художник *Д. Андреев*

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Печатается с разрешения литературных агентств
Trident Media Group, LLC и Andrew Nurnberg.

Герберт, Брайан.

Г37 Дюна : Битва при Коррине : [фантастический роман] / Брайан Герберт, Кевин Андерсон ; [перевод с английского А. Анваера]. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 800 с. — (Дюна).

ISBN 978-5-17-133304-1

С момента событий, описанных в «Крестовом походе машин», прошло пятьдесят шесть тяжелых лет. После смерти Серены Батлер наступают самые кровавые десятилетия джихада. Планеты Синхронизированных Миров освобождаются одна за другой, и у людей появляется надежда, что конец чудовищного гнета жестоких машин уже близок.

Тем временем всемирный компьютерный разум Омниус готовит новую ловушку для человечества. По Вселенной стремительно распространяется смертоносная эпидемия, способная убить все живое. Грядет ужасная Битва при Коррине, в которой у Армии джихада больше не будет права на ошибку. В этой решающей битве человек и машина схлестнутся в последний раз... А на пустынной планете Арракис собираются с силами легендарные фримены, которым через много лет суждено обрести своего Мессию.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

© Herbert Properties LLC, 2004

© Перевод. А. Анваер, 2020

© Издание на русском языке AST Publishers, 2026

Пэту Ло Брутто

За Вашу бескорыстную, скромную, но такую важную поддержку, которую Вы с самого начала оказывали созданию нашего цикла «Дюна». Ваш энтузиазм, знания и понимание сделали эти произведения намного лучше, чем книги, которые мы смогли бы написать в одиночестве. Вы истинный — в духе Ренессанса — редактор.

Хотя мыслящие машины убили и замучили миллиарды людей, у нас не поворачивается язык назвать их жертвами. Более того, мы ни в коем случае не должны относить их к потерям. Я сомневаюсь даже, что их можно считать мучениками. Каждый человек, погибший в ходе Великого Восстания, — это подлинный герой.

Серена Батлер.

Выступление на секретном совещании Совета джихада

Мне абсолютно все равно, сколько документов вы мне покажете — сколько записей, сообщений, протоколов бесед или, черт знает, сколько так называемых доказательств. Возможно, я — единственный живой человек, который лично знал Ксавьера Харконнена и правду о причинах и основаниях его поступка. Я молчал все эти десятилетия только потому, что об этом меня просил сам Ксавьер Харконнен, потому что так захотела бы Серена Батлер и потому, что этого требовали нужды джихада. Но не притворяйтесь, что ваша пропаганда основана на точных фактах, не утверждайте, что она истинна просто потому, что ей верит подавляющее большинство населения. Помните, что я в отличие от вас лично пережил эти события.

Вориан Атрейдес.

Личное и конфиденциальное послание Лиге Благородных

Грубейшая ошибка, какую может сделать думающий человек, — это мнение о том, что какая-либо одна версия исторических событий является непреложной истиной в последней инстанции. История пишется многими наблюдателями, каждый из которых не является безучастным зрителем. Факты искажаются уже в силу прошедшего времени — особенно в случае Батлерианского джихада, — погруженного во тьму многотысячелетней истории человечества, в силу сознательного искажения фактов последователями сектантских религиозных течений и вследствие накопления множества ошибок, происходящих от обычной небрежности. Мудрый человек поэтому рассматривает историю как последовательность подлежащих усвоению уроков; сделанный выбор и разветвления событий подлежат обсуждению и обдумыванию с тем, чтобы не повторять уже совершенных ошибок.

Принцесса Ирулан.

Предисловие к истории Батлерианского джихада

108 ГОД ДО ГИЛЬДИИ

Машины не разрушают. Они созидают, но при условии, что есть сильная рука, которая направляет их действия и господствует над ними.

Ривего, моралист Древней Земли

Эразм находил отчетливый порядок, царивший среди умирающих и испытывающих безнадежность людей, чарующим и даже, можно сказать, занятым. Все их реакции были частью экспериментального процесса, и сам робот считал, что результаты будут весьма достойными.

Эразм шествовал по коридорам своей великолепно устроенной лаборатории в развевающемся роскошном алом одеянии. Сама эта одежда была частью той манерности и претенциозности, которые он усвоил, чтобы придать себе более царственный и аристократический вид. Но увы: жертвы в своих запертых клетках мало интересовались роскошью, уделяя гораздо больше внимания своим собственным страданиям. С этим ничего нельзя было поделать, ибо в высшей степени рассеянные человеческие существа с большим трудом сосредоточивались на вещах, не имевших к ним прямого отношения.

Много десятилетий назад строительные роботы по его, Эразма, индивидуальному проекту воздвигли это огромное и удобное куполообразное сооружение. В многочисленных хорошо оборудованных и оснащенных — и, что важно, совершенно изолированных друг от друга лабораторных помещениях — было все, что требовалось Эразму для его экспериментов и исследований.

Продолжая один из своих регулярных обходов, независимый робот задерживался у смотровых окон палат, внутри которых, привязанные к койкам, лежали зараженные инфекционной болезнью подопытные люди. Некоторые особи страдали настоящей паранойей и бредом, что входило в симптомокомплекс ретровирусной инфекции, другие испытывали страх, имея на то вполне разумные причины.

Исследование и эксперимент были уже почти закончены. Естественная смертность при данной болезни достигала сорока трех процентов — это, конечно, не идеально, но в истории человечества не было более смертоносного вируса. Он послужит необходимой цели и в таком виде, тем более что Омниус не может больше ждать. Что-то надо было предпринять немедленно.

Священный поход людей против мыслящих машин тянулся уже почти сто лет, принося большие разрушения и беспорядок. Постоянные фанатичные атаки Армии джихада приносили неисчислимый урон Синхронизированной Империи, уничтожая боевые корабли роботов с большей быстротой, чем местные воплощения Омниуса успевали их заново отстраивать. Прогресс Омниуса неоправданно застопорился, и наконец он потребовал найти окончательное решение. Поскольку прямое военное противостояние доказало свою неэффективность, были исследованы альтернативы. Например, биологическая — бактериологическая или вирусная — война.

Согласно построенным моделям молниеносная тотальная эпидемия могла быть превосходным оружием, способным полностью искоренить человеческую популяцию — включая ее вооруженные силы, — оставив при этом в неприкосновенности инфраструктуру и ресурсы, которые целыми попадут в руки мыслящих машин. После того как пройдет волна искусственной эпидемии Омниус сможет по фрагментам восстановить все системы.

Эразм проявлял некоторую настороженность по отношению к новой стратегии, опасаясь, что достаточно тяже-

лая болезнь сможет уничтожить все человечество до последней особи. В то время как Омниус скорее всего порадовался бы такой возможности, независимый робот не был сторонником такого окончательного решения человеческого вопроса. Ему по-прежнему были интересны эти создания, особенно Гильбертус Альбанс, которого он воспитал как приемного сына, вытащив из рабского убогого барака. Из чисто научного любопытства и исследовательских соображений Эразм нуждался в органическом материале для лабораторного и практического изучения человеческой природы.

Их нельзя было убивать *всех*, только большую часть.

Правда, эти твари чрезвычайно выносливы и живучи. Эразма мучили сильные сомнения относительно того, что даже самая страшная эпидемия сможет убить всех представителей этого вида. Люди обладают интригующей способностью приспосабливаться к неблагоприятным условиям и преодолевать их весьма неортодоксальными средствами. Если бы мыслящие машины могли научиться этому...

Плотно запахнув просторную одежду, Эразм вошел в палату, где находился изменник — плененный тлулак, который и изготовил превосходный образец РНК-содержащего ретровируса. Мыслящие машины были эффективны и преданны, но требовалось извращенное человеческое воображение, чтобы направить гнев Омниуса в нужное русло и воплотить в конкретные действия. Ни один робот или компьютер не смог бы состряпать такую ужасную смерть и сконструировать такую вредоносную гадость. Для этого требовалось воображение обуянного мстью человеческого мозга.

Рекур Ван, биотехнолог и генетик, которого теперь носили и проклинали на всех углах Лиги Благородных, скорчившись лежал в своей кювете в окружении аппаратуры жизнеобеспечения, способный двигать только головой за полным отсутствием конечностей. Вскоре после того как Рекур был взят в плен, Эразм распорядился удалить ему руки и ноги, посчитав, что в таком виде тлулак

станет более управляемым. Ему не стоило доверять в отличие от, скажем, Гильбертуса Альбанса.

Робот изобразил на своем флюометаллическом лице бодрюю улыбку.

— С добрым утром, Обрубок. Сегодня нам предстоит масса дел. Может быть, нам наконец удастся закончить этот долгий опыт и добиться поставленной цели.

И без того узкое лицо тлуакса еще больше вытянулось; его темные, близко посаженные глаза лихорадочно забегали, словно у затравленного зверя.

— Тебе давно пора было прийти. Я уже давно не сплю и плююсь по сторонам.

— Значит, у тебя было много времени, чтобы обдумать какие-нибудь замечательные новые идеи. Я горю нетерпением выслушать их.

В ответ пленник хрипло и грязно выругался. Потом, взяв себя в руки, продолжил:

— Как идет эксперимент по отращиванию конечностей? Есть какой-нибудь прогресс?

Робот придвинулся ближе и приподнял биологический лоскут, чтобы осмотреть кожу одной из изуродованных, покрытых рубцами культей плеч Рекура Вана.

— Есть что-нибудь? — тревожно спросил тлуакс. Он выгнул шею и изо всех сил скосил глаза, стараясь рассмотреть обрубок руки.

— На этой стороне нет.

Эразм приподнял биологический лоскут на другом плече.

— Вот здесь что-то, возможно, есть. На коже видно отчетливое выбухание.

В каждое плечо были инъецированы определенные клеточные катализаторы, вероятно, стимулировавшие рост новых конечностей на месте удаленных.

— Сделай экстраполяцию своих данных, робот. Сколько мне еще ждать, когда отрастут мои руки и ноги?

— Трудно дать ответ на этот вопрос. Может быть, это произойдет через несколько недель, но может быть, и позже. — Робот потер своей железной рукой припухлость. —

Но этот вырост может означать и нечто совсем другое, например инфекцию. Вырост имеет красную окраску.

— Я не чувствую никакой боли.

— Ты хочешь, чтобы я взял соскоб?

— Нет, я подожду, когда смогу сделать это сам.

— Не будь грубым. Наша работа требует сотрудничества и совместных усилий.

Хотя результат нельзя было назвать многообещающим, робот не слишком сильно волновался. Это исследование не было приоритетным. На уме у Эразма было нечто намного более важное.

Он отрегулировал состав жидкостей, поступающих в вены пленника, и с лица тлулакса исчезло недовольное выражение. Несомненно, Рекур Ван переживал сейчас один из перепадов настроения. Надо просто внимательно следить за ним и вовремя вводить соответствующие лекарства, чтобы поддерживать пленника в работоспособном состоянии. Вероятно, так можно было предупредить и сегодняшнюю вспышку гнева. Иногда по утрам этого человека могло вывести из состояния равновесия что угодно. Иногда, правда, Эразм специально провоцировал его, чтобы наблюдать результат.

Контролировать поведение человека — даже такого противного и отвратительного, как этот, — было и наукой, и искусством. Этот обрубленный и деградировавший пленник был в такой же мере «объектом», как и любой человек в забрызганном кровью бараке или лаборатории. Даже когда тлулакс впадал в крайнее отчаяние, когда он пытался вырвать трубки систем жизнеобеспечения, пользуясь для этого только зубами, у Эразма были способы заставить его продолжить работу над биологическим вирусным оружием. К счастью, этот тлулакс ненавидел Лигу Благородных еще больше, чем мыслящих машин.

Несколько десятилетий назад во время крупного политического кризиса в Лиге Благородных были обнародованы секреты органических ферм тлулаков — к ужасу и отвращению всего человечества. Общественное мнение было

возмущено этими фактами, люди загорелись ненавистью к генетическим исследованиям, они разгромили фермы, а тлулаксов вынудили прятаться. Репутация этого народа была прочно и необратимо подорвана.

Рекур Ван бежал в Синхронизированные Миры, захватив с собой то, что посчитал неоценимым даром для независимого робота, — клеточный материал для клонирования Серены Батлер. Эразм действительно был удивлен и обрадован, вспомнив свои интереснейшие дискуссии с этой пленной женщиной. Отчаявшийся Рекур Ван был уверен, что Эразм захочет воссоздать Серену, но — увы! — клоны, созданные Рекуром, не обладали ни памятью, ни темпераментом Серены. Это были просто бездушные копии, бледные тени.

Несмотря на неудачу с клонами, Эразм нашел весьма интересным самого Рекура Вана — к большому огорчению и испугу маленького человечка. Независимый робот наслаждался его обществом. Наконец-то нашелся человек, с которым можно было говорить на языке науки, исследователь, способный помочь лучше понять бесчисленные ветвления и пути познания, которыми пользовались человеческие организмы.

Первые несколько лет оказались настоящим испытанием, даже после того, как Эразм удалил тлулаксу руки и ноги. Со временем умелыми манипуляциями, применяя систему поощрений и наказаний, робот все же превратил Рекура Вана в плодотворный подопытный объект. Лишенный конечностей тлулак, по иронии судьбы, оказался в таком же положении, в каком находились его рабы на якобы органических фермах. Эразм находил эту иронию убийственной.

— Ты хочешь, чтобы я немного полечил тебя, чтобы мы смогли начать работать? — поинтересовался Эразм. — Может быть, ты, например, хочешь мясных печений?

У Вана загорелись глаза, ибо это было одно из немногих, оставшихся доступными ему удовольствий. Приготовленные из отходов лабораторных материалов и из чело-

веческих тканей мясные печенья считались деликатесом на родной планете Рекура Вана.

— Накорми меня, или я откажусь с тобой работать.

— Ты слишком часто прибегаешь к этой угрозе, Обрубок. Не забывай, что ты подсоединен к флаконам с подерживающими твою жизнь растворами. Даже если ты перестанешь есть, тебе не удастся умереть от голода.

— Ты же хочешь, чтобы я сотрудничал с тобой, а не просто жил, но при этом оставил мне слишком мало козырных карт для этой игры.

С этими словами тлулакск скорчил недовольную гримасу.

— Отлично. Итак, мясные печенья! — крикнул Эразм. — Четырехрукий, неси завтрак.

В палату вошел лабораторный ассистент весьма странного вида. В четырех пересаженных руках он нес блюдо с желанным деликатесом. Тлулакск зашевелился в своей кювете, чтобы взглянуть на это страшное, отвратительное блюдо, а заодно и на пару рук, которые когда-то принадлежали ему самому.

Зная методики пересадок, которыми пользовались люди Тлулаксы, Эразм пересадил руки и ноги бывшего работоторговца двум лабораторным ассистентам, добавив искусственные ткани, сухожилия и кости, чтобы придать пересаженным конечностям нужную длину. Хотя это были подопытные экземпляры и представляли они лишь познавательный интерес, опыт оказался чрезвычайно успешным. Четырехрукий оказался весьма эффективным в переноске разных вещей. Эразм надеялся со временем научить его жонглированию, что могло сильно позабавить Гильбертуса. Четырехногий же в беге по ровной местности мог превзойти скоростью антилопу.

Каждый раз, когда какой-либо из этих искусственных мутантов заходил в его бокс, тлулакск с болью осознавал безнадежность своего положения.

Так как у Рекура Вана не было рук, Четырехрукий использовал пару своих — когда-то принадлежавших пленнику, — чтобы запихивать в жадно открытый рот мясные

печенья. Ван выглядел при этом как голодный птенец, которого в гнезде мать заботливо кормит принесенными червями. Желтовато-коричневые крошки падали с подбородка на черный фартук, прикрывавший туловище; некоторые объедки попадали в специальный чан, откуда шли на повторную переработку.

Эразм поднял руку, сделав знак ассистенту.

— Пока хватит. Потом тебе дадут еще, Обрубок, но сейчас нам надо поработать. Давай сегодня оценим статистику смертности от различных штаммов вируса.

Интересно, подумал Эразм, что Вориан Атрейдес — сын титана-изменника Агамемнона — пытался таким же способом искоренить всемирный разум Омниуса, внедрив компьютерный вирус в обновления, доставленные капитаном курьерского корабля независимым роботом Севратом. Но, оказывается, не только машины уязвимы для смертоносной инфекции...

Немного подумав, Рекур Ван облизнул губы и приступил к работе, принявшись оценивать результаты.казалось, его вполне устраивали показатели смертности.

— Отлично, — бормотал он. — Эти инфекционные микроорганизмы — лучший способ убить триллионы людей.

Величие таит в себе собственную награду... но и имеет свою ужасную цену.

Ксавьер Харконнен.

Последняя запись в диктофонном дневнике

За свою сверхъестественно длинную военную карьеру верховный главнокомандующий Вориан Атрейдес повидал многое, но редко приходилось ему посещать такие чудесные и красивые планеты, как Каладан. Для него эта океаническая планета была сокровищницей памяти, фантастическим образом того, какой должна быть нормальная жизнь — без мыслящих машин и без вечной войны.

Куда бы ни отправлялся Вориан на Каладане, везде видел он напоминания о тех золотых деньках, какие проводил он здесь с Лероникой Тергит. Она была матерью его близнецов-сыновей, женщиной, ставшей его любимой спутницей на без малого семьдесят лет, хотя официально они никогда не были женаты.

Сейчас Лероника находилась в их общем доме на Салузе Секундус. Хотя ей уже довольно давно пошел девятый десяток, Вориан любил ее больше, чем когда-либо прежде. Чтобы дольше сохранить молодость, она могла бы, конечно, регулярно принимать омолаживающее средство — пряную меланжу, которая стала очень популярной среди богатых аристократов, но Лероника отказывалась пользоваться этими искусственными подпорками юности. Как это было в ее духе!

По разительному контрасту — благодаря процедуре, которую провел с ним его отец кимек, Вориан до сих пор выглядел как молодой человек; по виду он уже годился Леронике во внуки. Чтобы уменьшить это разительное несоответствие, Вориан красил волосы в седой цвет. Хорошо было бы взять ее с собой сюда, на эту планету, где они когда-то впервые встретились.

Теперь, глядя на безмятежные морские воды Каладана и наблюдая, как возвращаются к пристаням лодки, нагруженные водорослями и жирными маслюками, Вориан сидел в обществе своего старательного молодого адъютанта Абулурда Батлера, младшего сына Квентина Вигара и Вандры Батлер. Абулурд приходился, кроме того, внуком близкого друга Вориана, но имя Ксавьера Харконнена теперь редко упоминали в разговорах, с тех пор как его во всеуслышание объявили трусом и предателем человечества. Мысль об этой несправедливости, которая приобрела непреоборимую силу легенды, больно ранила душу Вориана, мешала ему как кость в горле, но он ничего не мог с этим поделать. С тех пор прошло уже почти шестьдесят лет.

Они с Абулурдом обосновались в новом подвесном ресторане у склона прибрежной скалы. Ресторанчик медлен-